

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

9

1983

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

ки с призывом послать новогодние подарки бойцам Действующей Армии. Этот призыв был горячо поддержан по всей республике, и в конце декабря 1941 г. первая узбекская делегация во главе со «всеузбекским аксакалом» Ю. Ахунбабаевым прибыла в Москву с подарками и письмами для советских воинов¹⁹. 13 февраля 1942 г., в канун XXIV годовщины Красной Армии, трудящиеся Ташкента отправили: в Воронеж — 45 вагонов, в Ленинград, линкору «Марат» — 3 вагона, в Москву — 46 вагонов с мясом, сухофруктами, промтоварами, кондитерскими изделиями и т. д.²⁰

2 апреля на фронт было отправлено 15 вагонов подарков для подшефной 12-й гвардейской дивизии²¹. 17 апреля из Ташкента в Ленинград выехала делегация с эшелонном в составе 68 вагонов продовольствия, собранного трудящимися Узбекистана. Кроме того, для ленинградцев было отгружено 100 вагонов риса и 60 вагонов сухофруктов²².

С большой теплотой и сердечностью относились труженники Ташкента к раненым, находившимся на излечении в госпиталях города. Предприятия, учреждения, институты, школы — свыше ста организаций, вся общественность города шефствовала над госпиталями. Особенно большую работу там вели комсомольцы и несоюзная молодежь. Они организовывали сбор подарков для раненых, устраивали вечера художественной самодеятельности, вели агитационно-пропагандистскую работу, помогали медперсоналу восстанавливать боеспособность фронтовиков.

В декабре 1943 г. делегация орденосцев 5-й Краснознаменной Орловской дивизии посетила госпитали Ташкента. Подробно ознакомившись с работой госпиталей, они высоко отозвались и о работе советских медиков, и о заботе, проявляемой к раненым бойцам и офицерам со стороны шефствующих организаций²³.

Труженники Ташкента оказали также большую помощь освобожденным от врага районам страны как людьми, так и материальными средствами. Ряд крупнейших предприятий, как «Ташсельмаш», «Текстильмаш» и другие, взяли шефство над родственными заводами освобожденных районов. Туда направлялись специалисты, а также оборудование, инструменты, стройматериалы, машины, изготовленные на предприятиях как в порядке государственных планов, так и во внеурочное время.

«Пройдут многие десятилетия, минуют века, — сказал Ш. Р. Рашидов, — но никогда не будут забыты те, кто своим мужеством и стойкостью, ратной и трудовой доблестью ковал победу, кто на своих плечах вынес все тяготы жесточайшей войны»²⁴. И мы с гордостью принимаем слова Указа Президиума Верховного Совета СССР о том, что город Ташкент награжден орденом Ленина и за «вклад в победу в Великой Отечественной войне»²⁵.

¹⁹ Правда Востока, 1941 г., 24 декабря.

²⁰ ЦГА УзССР, ф. Р-837, оп. 32, д. 4499, л. 31—32.

²¹ Там же, д. 2766, л. 11.

²² Правда Востока, 1942 г., 18 апреля.

²³ ПА УзФИМЛ, ф. 58, оп. 19, д. 1028, л. 47.

²⁴ Правда Востока, 1983 г., 10 сентября.

²⁵ Правда, 1983 г., 1 сентября.

Дж. ИСМАИЛОВА

ИЗ ИСТОРИИ ТАШКЕНТА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

Одним из важнейших последствий присоединения Средней Азии к России явилось возникновение «новых городов» европейского типа, сыгравших огромную роль в социально-экономической и культурной жизни

ни коренного населения. В этом отношении особое место занимает «новый город» Ташкента.

Основа «нового города» была заложена вскоре после присоединения в 1865 г. Ташкента к России. Местом для города была избрана территория, лежащая между арыками Бозсу и Чаули. В то время на левом берегу Бозсу была расположена кокандская военная крепость («Урда») с большим двором, охватывавшая территорию до арыка Чаули. В общей сложности территория крепости занимала около 20 га. По свидетельству Ф. Назарова, посетившего Ташкент в 1813—1814 гг., крепость, расположенная вне стены старой части города, была обнесена высокими стенами и двумя глубокими рвами. В середине ее возвышался замок, обнесенный стенами и тремя рвами. Здесь жил командующий кокандскими войсками. В крепости размещалось до 10 тыс. солдат.

В некоторых местах упомянутой территории находились хлопковые и клеверные поля отдельных частных лиц.

Более освоенной считалась местность «Минг урюк» («Тысяча урючных деревьев» — на месте нынешних улиц Пролетарской, Чехова, Шевченко, Полторацкой). Остальные места, выбранные для постройки города, представляли собой пустырь, на котором попадались отдельные деревья.

В кокандской крепости разместились штаб-квартира Черняева и часть войска, занявшего Ташкент. При этом были скрыты крепостные стены, засыпаны рвы и появились новые улицы. Вместе с тем при участии узбекских рабочих был построен первый военный лагерь на левом берегу арыка Чаули (совр. Окружной дом офицеров). Так были заложены первые камни «нового города» Ташкента.

В августе 1865 г. началось строительство военной крепости на высоком берегу Бозсу, завершённое в октябре того же года. От крепости вдоль канала Бозсу до Урды была проложена улица, названная Черняевской (позже ул. А. Тукаева, ныне Аллея парадов).

В 1866 г. военным инженером Колесниковым был составлен план «нового города» и создана организационная комиссия во главе с генерал-губернатором Туркестанского края Романовским. Комиссия начала свою работу с разбивки территории между арыками Бозсу и Чаули на улицы и участки для постройки различных общественных зданий и частных домов. Так, с 18 июня 1866 г. под постройку домов было отведено до 500 участков, на которых в 1866—1867 гг. было возведено до 200 частных домов. За последующие два года число новых домов выросло до 500¹. Администрация приняла решение о выдаче денежных ссуд лицам военно-административного ведомства, решившим строить себе дома, сроком на 10 лет, с ежегодным взносом в размере 2% от полученной ссуды. Общая сумма ссуд достигла в 1868—1869 гг. до 100 тыс. руб.²

В первые годы население города состояло из военных, чиновников и отчасти купцов. По свидетельству А. Хорошхина, посетившего город в 1867 г., даже «портные и сапожники были исключительно из солдат»³.

По его словам, газеты и журналы из России поступали редко. В крепости действовала лишь одна маленькая школа, где преподавание вела некая Жукова.

Общественное питание находилось на низком уровне. Так, офицерский состав мог пообедать у кухмейстера Фомы, у которого можно было также приобрести белый хлеб и сдобные булки; иных булочников не было. Население города употребляло узбекские лепешки «разных форм и величины, хлеб пресный, но вкусный». Узбекские лепешки,

¹ Добросмыслов А. И. Ташкент в прошлом и настоящем. Ист. очерк. Вып. 6. Ташкент, 1912, с. 163.

² Там же.

³ Русский инвалид, 1867, № 94.— Туркестанский сборник, т. I.

фрукты и другие продукты продавались на базарчиках, возникших на территории «нового города». Здесь шла довольно оживленная торговля, которую вели разносчики-узбеки. Характерно, что с покупателями они общались на русском языке⁴, который уже тогда становится важным средством общения европейского и местного населения города.

Серьезное внимание было уделено озеленению города. «Строясь на пустопорожном, выжженном солнцем и покрытом густой верблюжьей колючкой месте, где не было ни арыков, ни растительности, первые засельщики Ташкента очень ценили зелень и тень, и первое, за что они принялись,— была посадка деревьев»⁵. По свидетельству очевидца, в 1867 г. город уже одевался в зеленый наряд и вызывал благоприятное впечатление⁶.

В заселении и озеленении города важную роль играло развитие ирригации. Известно, что в 1865 г. берег Захарыка был разрушен войсками и значительная часть стока из этого канала стала поступать в Чирчик, вследствие чего город испытывал острый недостаток воды.

В 1868—1869 гг. разрушенная часть Захарыка была восстановлена. В работах приняли участие 12 тыс. человек. По улицам города прокладывали крупную и мелкую арычную сеть. К 1870 г. территория между Бозсу и Чаули была почти полностью заселена. Инженером Макаровым тогда был составлен «генеральный план Ташкента», предусматривавший заселение территории между арыками Чаули и Салар. Однако эта часть города застраивалась медленно и в середине 70-х годов городская черта оканчивалась у современного Сквера революции. Только с 1888 г. зачаулинские места начали застраиваться более или менее оживленно. Здесь были разбиты проспекты Московский (ныне ул. Энгельса), Кауфманский (ул. К. Маркса), Лагерный (Пушкина), Хивинский (Хорезмская), Андижанский (Гоголя), Махрамский (Узбекистанская), Куйлюкский (Куйбышева) и Наманганский (Жуковского). До этого на территории между Бозсу и Чаули появились улицы Петербургская (Ленинградская), Романовская (Ленина), Самаркандская, Воронцовская (Х. Сулаймановой), Шахрисабзская и др. Там же, где сейчас расположен ГАБТ им. А. Навои, возник «Воскресенский базар».

Благоустройство в первые десять лет существования города находилось в весьма плохом состоянии. Один из авторов отмечал, что «город был очень неблагоустроен, не было ни тротуаров, ни мощеных улиц. Летом, несмотря на поливку, в городе было очень пыльно, так как пыль легко носилась с разбитых от движения дорог, мало застроенных улиц и площадей. Зимой на улицах была непроходимая грязь, в которой тонули арбы, на которых в то время ездили в город и делали визиты. Случалось, что в темные ночи, возвращаясь на арбе домой, старые ташкентцы должны были бросать арбы и по колено в грязи брести в плохо освещенном городе пешком»⁷.

Шоссирование дорог началось в 1870 г., но шло очень медленно: в 1890 г. в городе из 63 верст улиц было шоссировано только 27.

По переписи 1872 г., число жителей «нового города» составляло 2073 человека (без войска), из них русских — 1289, узбеков — 318, казахов — 114, татар — 98, немцев — 110, евреев — 80, мордвинов — 5, поляков — 18, финнов — 9, шведов — 6. Кроме того, в городе жили в незначительном количестве французы, датчане, афганцы, башкиры, молдаване⁸.

В промышленных заведениях было занято 628 рабочих, в том числе: русских — 348, узбеков — 159, казахов — 87, евреев — 19, татар — 15 человек и т. д.⁹

⁴ Там же.

⁵ Очерки истории Ташкента.— В кн.: Биография М. Г. Черняева, Ташкент, 1915, с. 14.

⁶ Там же.

⁷ Материалы для статистики Туркестанского края. Вып. I. СПб., 1872, с. 18.

⁸ Там же.

⁹ В городе тогда имелось 244 кухни, 278 сараев, 32 каретника, 43 конюшни, 49 кладовых, 13 амбаров, 15 подвалов, 15 бань.

В 1875 г. в «новом городе» проживало уже 4859 человек (без войска)¹⁰. По роду занятий они распределялись следующим образом: офицеров и военных чинов — 613, гражданских чиновников — 525, торговцев — 118, приказчиков — 118, извозчиков — 84, чернорабочих — 241, кузнецов — 30, плотников — 26, столяров — 50, слесарей — 3, портных — 55, сапожников — 55, печников — 8, каменщиков — 18, штукатуров — 2, маляров — 11, часовщиков — 3 и т. п.

На все население города приходилось 11 врачей, 9 фельдшеров, 3 акушерки, 4 аптекаря, а также 11 музыкантов и 6 учителей¹¹.

Население города быстро росло: в 1887 г. — 6419, в 1890 г. — 12 981, в 1897 г. — 26 860 человек¹². Увеличивается и численность населения старой части Ташкента: в 1870 г. оно составляло 76 053, в 1884 г. — 80 896, в 1887 г. — 106 129, а в 1897 г. — 127 981 человек¹³. В общей сложности в обеих частях Ташкента в 1897 г. проживали 154 841 человек¹⁴.

В городе возникали все новые отрасли промышленности. Так, в 1866 г. был открыт первый винокуренный завод, а в 1868 г. их стало уже 5. В том же году была построена шелкомотальная фабрика. В 1877 г. начал работать первый пивоваренный завод; к 1887 г. число таких заводов увеличилось до 5. За несколько лет было открыто 8 табачных фабрик. В 1889 г. построена спичечная фабрика. Еще в 1867 г. появились водяные мельницы европейского типа. Был открыт и ряд других промышленных предприятий, как кирпичный, кожевенный, мыловаренный заводы. Кроме того, существовали мастерские — столярные, токарные, кузнечные, слесарные, обувные, ювелирные, мебельно-обойные и др. Имелись также лавочки: переплетные, подтяжные и проч.¹⁵

Постепенно развивалась культурная и научная жизнь города. Так, еще в 1868 г. появилось общество любителей драматического искусства, поставившее пьесу А. Н. Островского «Не в свои сани не садись». С 80-х годов XIX в. Ташкент посещали артисты цирка; в 1885 г. было построено специальное здание цирка на ул. Джизакской (ныне Правда Востока, здание Усгосфилармонии). В 1868 г. открылось «Военное собрание» (ныне Окружной дом офицеров), где устраивались балы, маскарады и семейные вечера.

Важным событием стал выпуск газет — «Туркестанские ведомости» (с 1870 г.), «Туркистон вилояти» (на узб. яз., с 1871 г.), «Окраина» и «Русский Туркестан». В 1868, 1877 и 1888 гг. были организованы три типографии.

Огромным событием явилось открытие в 1870 г. Туркестанской публичной библиотеки (ныне Публичная библиотека УзССР им. А. Навои). В том же году открылся музей краеведения. Возникли книжные магазины, химическая лаборатория, метеорологическая станция. Был организован ряд Туркестанских отделов научных обществ — Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, Общества для содействия промышленности и торговле, Общества сельского хозяйства, Русского технического общества, Русского географического общества, Медицинского общества, Туркестанский кружок любителей археологии и др.

В 1868 г. было открыто первое лечебное заведение — Ташкентский военный лазарет, через два года преобразованный в военный госпиталь. В 1896 г. появилась городская больница (на ул. Жуковского). В 1899 г. построена амбулатория Средне-Азиатской железной дороги.

¹⁰ Туркестанские ведомости, 1876 г., № 9.

¹¹ Там же.

¹² ЦГА УзССР, ф. И-269, оп. 1, д. 204, л. 6.

¹³ Там же, д. 125, л. 9.

¹⁴ Там же, л. 10.

¹⁵ Там же, д. 191, л. 10—11.

В 1880 г. открылись родильный дом и аптека. В 1892 г. была установлена телефонная связь для администрации.

В 1897 г. в городе действовали следующие учебные заведения: церковно-приходское училище, два двухклассных мужских приходских училища и одно четырехклассное, два двухклассных и одно трехклассное женских училища, мужская и женская гимназии, реальное и ремесленное училища, Туркестанская учительская семинария и образцовое училище при ней. Всего в них обучалось 1038 лиц мужского и 668 — женского пола¹⁶. Само появление и деятельность этих учебных заведений оказали влияние на состояние народного образования в «старом городе», хотя вплоть до победы Октября подавляющее большинство его населения оставалось неграмотным.

В целом же со временем присоединения к России до начала XX в. на значительной территории между арыками Бозсу и Салар возник и развивался «новый город», считавшийся первым городом европейского типа, появившимся в Средней Азии после вхождения ее в состав России. Ташкент становится важнейшим политическим, промышленным и культурным центром всей Средней Азии и Казахстана. Он сыграл важную роль в приобщении коренного населения к богатствам передовой культуры русского народа. А растущий пролетариат Ташкента стал крупнейшим отрядом рабочего класса края, превратившимся в начале XX в. под руководством большевиков в авангард революционного движения в этом обширном регионе.

¹⁶ Там же, д. 127, л. 22.

К. МУНИРОВ, А. ИРИСОВ, А. НАСЫРОВ

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ ОБ УЧЕНЫХ И ПОЭТАХ ТАШКЕНТА X—XIX ВЕКОВ

(По рукописным источникам)

В летопись многовековой истории Ташкента вписано немало имен видных деятелей науки и культуры прошлого, внесших свой вклад в развитие философии, истории, медицины, литературы, архитектуры, искусства. Ценные сведения о них содержатся, в частности, в хранящихся в фондах Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН УзССР многочисленных рукописных трудах на различных восточных языках и в разных антологиях и энциклопедиях, составленных учеными Запада и Востока.

Так, одним из известных поэтов Ташкента X в., писавшим свои стихи на арабском языке, был Абу Мухаммад Матрани. Крупный бухарский ученый X в. Абу Мансур ас-Саалиби в своей антологии «Йатимат ад-дахр» («Жемчужина века») приводит 112 строк из его стихов и дает высокую оценку его творчеству, указывая, что «Матрани из Шаша был единственным поэтом своего времени, в Шаше и Мавераннахре не было поэтов, равных ему»¹.

В том же веке в древнем Шаше жил и творил другой известный поэт — Абу Амир Исмаил ибн Ахмад аш-Шаши. Как указывает ас-Саалиби, его стихи, написанные на арабском языке, пользовались популярностью².

Великий мыслитель Абу Наср Фараби (873—950) также побывал в Шаше, а затем отправился в другие города Средней Азии, стран Ближнего и Среднего Востока.

Одним из талантливых ученых и поэтов Ташкента X в. был Каффал аш-Шаши (903—976). Замечательный поэт, грамматик, лингвист и законовед, автор ряда работ, он жил и учился в Самарканде и Бу-

¹ Абу Мансур ас-Саалиби. Йатимат ад-дахр. Исследование и перевод И. Абдуллаева. Ташкент, 1976, с. 149.

² Там же, с. 498.

харе, путешествовал по Средней Азии и странам Ближнего и Среднего Востока, в частности жил в Багдаде, Дамаске, Хиджазе и др.³

Он учился у знаменитых ученых того времени. Как указано в труде Ибн Халликана «Вафайат ал-аъйан» («Кончины выдающихся людей»), одним из его учителей был Джарир ат-Табари (ум. 922 г.), автор «Тарихи Табари» («Летопись Табари») — капитального исторического труда по всемирной истории⁴.

Каффал аш-Шаши был прекрасным знатоком всех тонкостей арабской словесности, писал стихи на арабском языке. Благодаря ас-Сабки, часть его стихов дошла до нас⁵.

Из медиков Шаша XI в. большой популярностью пользовался ученик Ибн Сины Шарафаддин Абу Абдаллах Мухаммад ибн Юсуф ал-Илаки (ум. 1068 г.). Он сократил «Канон» Ибн Сины и написал ряд трудов по медицине, как «Китаб ал-асаб ва-л-аламат» («Книга о причинах и признаках [заболеваний]»), «Куллийат ат-тиб» («Общие вопросы медицины») и т. д.⁶ Рукописи его произведений имеются в рукописохранилищах Советского Союза и зарубежных стран. Его медицинские труды комментировались многими учеными последующих веков.

Одним из видных историков Шаша XIV в. был Абу Сулейман Факрадин Али ибн Абул Фазл Дауд ибн Мухаммад ал-Бенакети (ум. 730/1329—30 г.). Он жил во время правления Газанхана (701/1301—2), успешно занимался и поэзией, за что был удостоен почетного звания «Малик уш-шуара» («Царь поэтов»). Его труд по всеобщей истории «Равзат ули-л-албаб фи ат-таварих ва ал-ансаб» («Сад мудрых в отношении хронологий и генеalogий [великих людей]»), известный также под сокращенным названием «Тарих-и Бенакети» («Летопись Бенакети»), написан в 717/1317 г. Это — краткое изложение известного труда «Джамиъ ат-таварих» («Собрание летописей») Фазлуллаха Рашидаддина. В нем содержатся отрывки из географического описания мира, истории Индии, Армении, Персии, Византии, Китая, Арабского халифата, монголов и др.

Как указывает В. В. Бартольд, исторические события с 1310 г. были изложены Абу Сулейманом Бенакети самостоятельно.

Две рукописи этого произведения Бенакети хранятся в рукописном фонде ИВ АН УзССР⁷, по одному экземпляру — в библиотеках ТашГУ им. В. И. Ленина⁸, ЛГУ⁹, АН ТаджССР¹⁰, несколько экземпляров хранятся в зарубежных рукописохранилищах (Париж, Оксфорд, Вена, Лондон, Берлин, Тегеран)¹¹. Восьмую главу данного труда в латинском переводе издал в 1677 г. Андреас Мюллер. Английский перевод этой части в 1820 г. был издан в Лондоне Г. М. Эллиотом¹².

³ О нем см.: Шамс ад-дин Сами: Камус ал-аълам. Т. IV. Стамбул, 1894, с. 2819; Ташкопризаде Ахмад ибн Мустафа. Мавзуат ал-улум. Стамбул, 1895, с. 333; Иакут Хамави. Муъджам ал-булдан. Т. V. Каир, 1906, с. 212.

⁴ Ибн Халликан. Вафайат ал-аъйан. Т. I. Каир, 1892, с. 458 (на араб. яз.); Энциклопедия ислама. Т. V/II. Стамбул, 1950, с. 824 (на турец. яз.).

⁵ Ас-Сабки. Табакат аш-шафийа. Т. II. Каир, 1906, с. 181—184.

⁶ Саид Нафиси. Пури Сино. Тегеран, 1954, с. 128; Брокельман К. История арабской литературы. Т. I. Веймар, 1898, с. 458—485 (на немец. яз.); то же, Лейден, 1957, с. 826; Ходжа Халфа. Кашф аз-зунун. Изд. Густав Флюгель. Т. I. Лейпциг, 1935, с. 269.

⁷ Абу Сулейман Бенакети. Тарих-и Бенакети. Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 18, 7330; Собрание восточных рукописей АН УзССР (далее — СВР), т. I, с. 24—25.

⁸ Семенов А. А. Описание персидских, арабских и тюркских рукописей Фундаментальной библиотеки САГУ. — Труды Среднеазиатского университета, сер. II, Orientalia, вып. 4, Ташкент, 1935, с. 35.

⁹ Тагирджанов А. Т. Описание таджикских и персидских рукописей Ленинградского государственного университета. Л., 1962, с. 29.

¹⁰ Каталог восточных рукописей АН ТаджССР, т. I, с. 28—30.

¹¹ СВР, т. I, с. 24; Тагирджанов А. Т. Указ. соч., с. 31.

¹² Чехович О. Д. Рукопись Тарихи Бенакети из библиотеки хивинских ханов. — Бюллетень Академии наук УзССР, 1947, № 10, с. 31; Тагирджанов А. Т. Указ. соч., с. 31.

Видным поэтом Ташкента XIV в. был Бадрадин Чачи (в некоторых источниках его называли и Бадрадином Шаши). Свои стихи он подписывал «Бадр Чачи» и «Бадр Шаши». Он родился и большую часть жизни прожил в Ташкенте. В свое время он пользовался большой популярностью. Социально-политическая обстановка того периода, видимо, вынудила его покинуть Ташкент и отправиться в Индию.

В своих газелях, рубайи и касидах Бадрадин Чачи воспевал любовь, описывал красоту людей и природы, трудности социальной жизни¹³.

Как отмечал индийский ученый Мирхусейн Дуст в своей антологии «Тазкирани Хусейни», «Мавлана Бадрадин Чачи прибыл в Дели во время правления Мухаммадшаха ибн Туглукаша. Он выделялся своим поэтическим талантом и его диван (Собрание стихотворений) состоит примерно из шести тысяч бейтов»¹⁴. Известно, что последние годы своей жизни он жил в Индии¹⁵.

Садриддин Айни и индийский ученый Амин Ахмад Рази в своих книгах приводят интересные сведения о Бадрадине Чачи¹⁶.

Как указано в конце «Куллийат-и Хакани», опубликованного в 1908 г. в Индии, поскольку стиль Бадрадина Чачи был весьма трудным для понимания, Гиясаддин ибн Джалаладин составил к его дивану специальный комментарий — «Кашиф ал-асрар» («Открыватель тайн»).

Газели, касиды и рубайи Бадрадина Чачи частично дошли до нас в виде рукописи¹⁷.

Переписчик его дивана в конце рукописи отметил: «Эта рукопись является произведением Бадрадина Чачи и его звали «Фахр аз-заманом» (т. е. «Гордостью эпохи»)»¹⁸.

Бадрадин Чачи прибыл в Индию немного спустя после смерти Амира Хосрова Дехлеви. «Роль Амира Хосрова в литературно-культурной связи народов Средней Азии и Индии, бесспорно, велика», — пишет И. Низамутдинов и здесь же отмечает: «В развитии культурно-литературных связей народов Средней Азии и Индии XIV в. большую роль сыграло творчество Бадрадина Чачи»¹⁹.

В свое время почетное звание «Алламаи Хафиз Ташканди» получил ташкентский ученый XVI в. Султан Мухаммад по прозвищу Хафиз Кухаки, внук Али Кушчи — ученика Улугбека²⁰.

Отец Хафиза Кухаки, Камаладдин жил в Паркенте. Сын Хафиза Кухаки, Абдулла был ученым. Он прекрасным почерком переписал произведение Кудури «Мухтасари Кудури», пометив в конце рукописи: «Переписчик — Абдулла, сын Хафиза Султана Мухаммада»²¹. Он был известен под прозвищем Хафиз Куйки. Махалля Хафиз Куйки, где он жил, расположена на территории нынешнего Сабир-Рахимовского района г. Ташкента.

Хафиз Кухаки хорошо знал историю, арабский язык, грамматику, логику, юриспруденцию и написал ряд работ по указанным дисциплинам, а также преподавал их в медресе.

Как указывает Мухаммад Хашим ибн Мухаммад Касым, «Мавлана алламаи Ташканди, получивший известность под именем Хафиз

¹³ Узбек Совет Энциклопедияси. Т. 2. Тошкент, 1962, с. 22.

¹⁴ Мирхусейн Дуст. Тазкирани Хусейн. Лакнау. 1875, с. 65.

¹⁵ Шамсаддин Сами. Камус ал-аълам. Т. II. Стамбул, 1899, с. 1256.

¹⁶ Садриддин Айни. Намунаи адабиёти тожик. М., 1926, с. 66; Амин Ахмад Рази. Хафт иклим. Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 617, л. 520а.

¹⁷ Бадрадин Чачи. Касайд. Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 151, 1052; Каталог восточных рукописей АН ТаджССР. Т. II. Душанбе, 1968, с. 163.

¹⁸ Бадрадин Чачи. Касайд, л. 736.

¹⁹ Низамутдинов И. Из истории среднеазиатско-индийских отношений. Ташкент, 1969, с. 25.

²⁰ Катиб Чалаби. Кашф аз-зунун. Стамбул, 1892—1893, с. 217.

²¹ Абу ал-Хасан ибн Ахмад ибн Мухаммад ибн Джаъфар ал-Багдади. Мухтасар ал-Кудури. Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 4836, л. 224.

Кухаки, был учеником известного ученого Асамаддина и является автором ряда работ»²².

Алим Сиддики в своем произведении «Ламахат» также пишет, что Хафиз Кухаки был видным ученым своего времени, и называет его «Устад ал-улама Хафиз Ташканди», т. е. «Учителем ученых Хафизом Ташкентским»²³.

Мухаммад Салих в своем специально посвященном истории Ташкента произведении, автограф которого дошел до нас, пишет: «Ученейший мавлана Кухаки жил в городе Ташкенте, в махалле Хафиз Кухаки, и написал комментарии к произведению Абдаррахмана Джами «Шахри мулла» по грамматике арабского языка и к известному труду по диалектике (илми жадал). Хафиз Кухаки является гордостью ученых Ташкента и получил широкую известность в Дашти-Кипчаке, Фергане, Мавераннахре, Бухаре, Иране и Хорасане»²⁴.

Его автограф сохранился на титульном листе в рукописи произведения ташкентского ученого Мавлана Сани Ярмухаммада ибн Пирмухаммада²⁵.

Он написал ряд произведений по различным отраслям науки, как «Тарих-и Ташканд»²⁶ («История Ташкента»); «Тарих-и али Чингиз» («История потомков Чингиза»), «Рисала... фи фан ал-мантик...»²⁷ («Трактат о логике»), «Хашия бар «Фавайид аз-зийайя»»²⁸ («Комментарии к «Фавайид аз-зийайя» Абдаррахмана Джами, «Шарх аш-шарх «Адаб ал-муназара»»²⁹ («Комментарии к «Правилам [ведения] диспута»), комментарий к произведению Мавлана Асамаддина «Мезан ал-адаб» («Мерила знания») по грамматике арабского языка. Он назвал его «Уджалат ал-байан фи шарх ал-мезан»³⁰ («Быстрое разъяснение комментария «Мерила знаний»).

Хафиз Кухаки дважды посетил Индию. В 935/1528 г. он в качестве представителя от Ташкента принимал участие в торжествах, организованных Захираддином Мухаммадом Бабуром. Вот что пишет об этом Бабур:

«В субботу, шестого числа того же месяца, состоялся пир. Послы... узбеков... присутствовали на этом пиршестве... На левой стороне тоже таким же образом сидели узбекские послы; из беков получил повеление сидеть с ними Абд-Аллах...

После великолепной трапезы... Ходже Мир султану и его сыновьям и Хафизу Ташкентскому и во главе с мулла Фаррухом всей свите Ходжи, а также другим послам было пожаловано золото и серебро целыми подносами»³¹.

Как сообщает индийский историк Абдалкадыр Мулукшах Бадаани в своей книге «Мунтахаб ат-таварих» («Извлечение из летописей»), Хафиз Кухаки вторично посетил Индию в 977/1569 г. и был принят правителем Индии Акбаром. Вот что писал Мулукшах Бадаани: «Хафиз Кухаки, известный по прозвищу Хафиз Ташкентский, был величайшим ученым, прекрасно знал арабский язык и литературу. Он был

²² Мухаммад Хашим ибн Мухаммад Касым. Насамат ал-кудс мин хадаик ал-унс. Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 635, л. 2186.

²³ Алим Сиддики. Ламахат. Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 495, л. 56, 1606.

²⁴ Мухаммад Салих. Тарих-и джадида-и Ташканд. Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 11073/II, л. 126.

²⁵ Мавлана Сани. Шархи муаммайи Мирхусайни. Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 1863.

²⁶ Катиб Чалаби. Кашф аз-зунун, с. 227.

²⁷ Узбек Совет Энциклопедияси. Т. 6. Тошкент, 1975, с. 206.

²⁸ Хафиз Кухаки. Хашия бар «Фавайид аз-зийайя». Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 6280.

²⁹ Хафиз Кухаки. Шарх аш-шарх «Адаб ал-муназара». Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 6011/IV, 10434/I.

³⁰ Хафиз Кухаки. Уджалат ал-байан фи шарх ал-мезан.— Кашф аз-зунун, т. II, с. 578.

³¹ Захираддин Мухаммад Бабур. Бабур-наме. Ташкент, 1960, с. 423—424.

учеником Мавлана Асамаддина и был осведомлен во всех науках того времени. В свое время все ученые Мавераннахра признали его великим ученым... Он был в Мекке, по возвращении в Турции... Вернулся в Ташкент и около 992/1584 года умер в Ташкенте. Он учился у двух знаменитых ученых того времени, сначала у Кази Низама Бадахши, потом у Мавлана Асамаддина Ибрагима. Среди ученых он пользовался большим авторитетом и имеет прекрасные произведения»³².

В XVI в. в Ташкенте жил и работал Убайдулла ибн Мухаммад Юсуф ал-Каххал. Это был замечательный медик-окулист, откуда и его прозвище «Каххал». Он изучал труды по медицине Ибн Сины, Илаки, Абу Бакра ар-Рази, Джурджани, Нажибаддина Самарканди и написал специальное произведение по медицине «Шифа ал-алил» («Исцеление больного»), рукописи которого находятся в фонде ИВ АН УзССР³³.

Каххал был не только врачом ташкентского правителя Дарвеш-хана, но и прекрасным поэтом, и предисловие к своему труду он начинает со стиха. Его «Исцеление больного» было настольной книгой последующих поколений медиков, которые широко пользовались им при написании своих трудов. Об этом упоминается в предисловии важного сочинения по истории медицины Аштарханида Субханкулихана «Ихъя ат-тиб» («Возрождение медицины»). Упомянутый выше Хафиз Кухаки, как отмечается в «Исцелении больного», лечился у Убайдуллы Каххала. Он был также автором ценного труда «Ал-умдат ал-кухлия фи амраз ал-басария» («Основа лечения глазных заболеваний»).

Уроженцем Ташкента был и Мирза Мухаммад Хайдар — один из лучших историков XVI в., автор «Тарих-и Рашиди» («Рашидова история»), посвященной Абдаррашидхану ибн Султан Саидхан ибн Юнусхан.

Мирза Хайдар родился в Ташкенте в 905/1499—1500 г. Его мать, Хуб Нигарханум была дочерью ташкентца Юнусхана. Его отец, Мухаммад Хусейн Кураган в это время был правителем Ташкента и Уратюбе. В 1508 г., когда Шайбанихан убил его отца, Мирза Хайдар скрывался от преследований и определенное время находился у Бабура, потом долго жил у Султана Саидхана, сына Юнусхана. В 1540—1551 гг. Мирза Мухаммад Хайдар был правителем Кашмира. Он погиб во время одного из ночных боев.

«Тарих-и Рашиди» — ценный источник по истории Кашгара, Средней Азии, Афганистана, Северной Индии и Тибета. В нем приводятся также интересные сведения по географии Иссыккуля, Кашмира, Тибета и др.³⁴

Рукописи «Тарих-и Рашиди» хранятся в фонде ИВ АН УзССР³⁵, в Ленинградском отделении ИВ АН СССР³⁶, в библиотеке восточного факультета ЛГУ³⁷, рукописном фонде ИВ АН ТаджССР³⁸.

Одним из видных ташкентских историков XIX в. был Мухаммад Салих, сын Рахимходжи (Караходжи). Он родился в 1830 г. в Ташкенте, в махалле «Карягди» (близ Шейхантаура). Учился в Ташкенте и Бухаре, изучал исторические труды, как «Равзат ас-сафа», «Ба-бур-наме», «Тарих-и Мукимхани», «Тарих-и Абулфайзхан», «Тухфа-и хани» и др. Им написано специальное сочинение по истории Ташкента — «Тарихи джадида-и Ташканд» («Новая история Ташкента»). По

³² Абдалкадыр Мулукшах Бадаани. Мунтахаб 'ат-таварих. Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 25, л. 239а, 386б.

³³ Убайдулла Каххал. Шифа ал-алил. Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 2265, 2477.

³⁴ Хасанов Х. Хайдар Мирза. Ташкент, 1964, с. 41.

³⁵ Мирза Хайдар. Тарих-и Рашиди. Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 1430, 10191/II; СВР, т. VI, с. 39; т. VII, с. 25.

³⁶ Дмитриева Л. В., Мугинов А. М., Муратов С. Н. Описание тюркских рукописей Института народов Азии. М., 1965, с. 97—103.

³⁷ Тагирджанов А. Т. Указ. соч., с. 69.

³⁸ Каталог восточных рукописей АН ТаджССР, т. I, с. 70—71.

его словам, это произведение создавалось в течение 20 лет, и в дальнейшем автор вносил в него разные дополнения.

Книга начинается с описания событий древнейших времен, как это делали по традиции все историки того времени, и доводит читателя до периода становления Кокандского ханства, а затем автор непосредственно переходит к истории Ташкента. Хотя во второй части сочинения в основном говорится о Ташкенте, его история излагается в тесной связи с событиями в Средней Азии в целом. Труд заканчивается описанием событий, происходивших в Ташкенте в 1887 г. Здесь приводятся также интересные сведения по географии и топографии Ташкента. Труд Мухаммада Салиха ценен тем, что он был очевидцем многих описываемых событий и в большинстве из них принимал непосредственное участие. Три рукописи указанного труда хранятся в ИВ АН УзССР, причем одна из них — автограф, состоящий из 1040 л.³⁹ Этот труд специально еще никем не был исследован. В 1941 г. об этой рукописи впервые появилась статья Я. Г. Гулямова⁴⁰. Краткое научное описание упомянутых рукописей дано в СВР АН УзССР⁴¹. В связи с 2000-летием Ташкента об этом сочинении опубликована статья А. Урунбаева⁴².

Кроме отмеченных выше лиц, в Ташкенте в разное время проживали и такие деятели науки и культуры, как Абу Бакр Шаши (XI—XII вв.), Али Бенакети (XIII в.), Джамшиди Шаши (XIV в.), Хамидаддин Ташканди (XV в.), Абдалвадуд катиб (XV—XVI вв.), Ярмухаммад Ташканди, Шах Али Каххал, Баки Джаррах Ташканди, Абидхаттат (XVI в.), Джамил Мирак Ташканди (XVI—XVII вв.), Шахаким Ташканди, известный как Халис (XVII—XVIII вв.), Шахи, Эшанходжа Ташканди (XIX в.), отдельные произведения которых дошли до нас и хранятся в рукописном фонде ИВ АН УзССР. В рамках одной статьи невозможно охарактеризовать их вклад в науку, литературу, искусство.

Всестороннее изучение биографии и творчества ученых и поэтов прошлого Ташкента на базе источников, хранящихся в рукописном фонде Института востоковедения АН УзССР, требует глубоких исследований целого коллектива специалистов. Они, несомненно, раскроют интереснейшие страницы истории научной и культурной жизни города в эпоху средних веков и в период, непосредственно предшествовавший присоединению Средней Азии к России.

³⁹ Мухаммад Салих. Тарих-и джадида-и Ташканд. Ркп. ИВ АН УзССР, инв. № 7791, 11072—11073, 5732.

⁴⁰ Известия УзФАН СССР, 1941, № 4, с. 81—82.

⁴¹ СВР, т. VI, с. 34—35.

⁴² Урунбаев А. Тошкент солномаси.— Гулистон, 1982, № 3, с. 26.

Р. Г. МУКМИНОВА

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ ТАШКЕНТА КОНЦА XV—XVI ВЕКА

Роль Ташкента в политической и экономической жизни Средней Азии значительно возросла со времени превращения его с конца XV в. в столицу обширной области. В конце XV—XVI в. отмечаются определенные сдвиги и в развитии культуры. Именно к этому времени относится возведение зодчими большинства монументальных зданий старого Ташкента, дошедших до наших дней. В их числе: построенные из жженого кирпича, увенчанные куполами медресе Кукельдаш, медресе Барак-хана (Науруз-Ахмед-хана) — один из красивейших памятников XVI в., мечеть и медресе Ходжи Ахрара, гробница Юнус-хана и др. В XVI в. был восстановлен мавзолей Каффала Шаши. К тому же столетию Зайниддин Васифи относит устройство «вне крепости»

Ташкента чарбага Кайкаус. По словам писателя, сад-чарбаг был построен по приказу Шейбанида Суюнч-Ходжа-хана (ум. в 1525 г.).

Большой интерес с точки зрения состояния строительной техники представляют остатки бани XV—XVI вв. (в районе быв. Караташа). Она отличается необычной высотой жаропроводных каналов. Полы и стенки ее были промазаны специальным раствором. Угловая комната, в которой размещался круглый бассейн, имела круглую форму. Многоцветные майоликовые плитки покрывали панели над суфами в раздевальне и в комнате отдыха¹.

Строительство и художественное оформление монументальных культовых и гражданских сооружений, то, что они сохранились до нас, живописно вписываясь в комплекс современных построек,— отражение высокого мастерства и знаний в области геометрии, математических расчетов и строительной техники безымянных ташкентских мастеров — строителей, архитекторов и художников тех лет.

О состоянии литературы, поэзии и искусства в Ташкенте 20—30-х годов XVI в. мы узнаем главным образом из мемуаров Зайниддина Васифи. Писатель оставил нам ценные сведения о культурной жизни города, о творческих контактах ученых, художников и литературных деятелей. Зайниддин Васифи сообщает, например, что «однажды в саду Кайкаус... собралось большое количество ученых, поэтов и просвещенных людей Ташкента...»²

Тесными узами был связан Ташкент с такими центрами культуры, как Самарканд, Шахрухия, Герат.

На литературных меджлисах, проводимых в саду Кайкаус, Лаг-лагане — «одной из летовок Шахрухия» и в самой Шахрухия, состязались поэты, ученые и острологи не только Ташкента, но и других городов. В них активное участие принимал поэт и историк Зайниддин Васифи, до приезда в Самарканд и Ташкент неоднократно являвшийся почетным гостем на самых утонченных литературных диспутах гератской аристократии.

На таких меджлисах Зайниддин Васифи часто выступал с сообщениями о знаменитых писателях, ученых и поэтах, излагал рассказы и предания об Алишере Навои. Характерно указание Васифи, что участники литературных собраний тщательно записывали все то, что касалось жизни и деятельности Навои. Здесь же читались вслух «Шах-наме», произведения Абдуррахмана Джами, классические сочинения других авторов. Все это — яркое свидетельство высокого для того времени уровня литературной жизни в Ташкенте, освоения местными литературными кругами традиций Самарканда, Бухары, Герата и других городов, дальнейшего развития культуры.

Правителю Ташкента Кельди Мухаммеду (ум. в 939/1532—33 г.), возглавлявшему диспуты, художники и каллиграфы обязаны были подносить свои произведения. Так, в сентябре 1521 г. миниатюрист Джамалиддин Юсуф подарил Кельди Мухаммеду рисунок, на котором был изображен вооруженный царственный юноша, поражающий копьем тигра. Тот же художник прислал Кельди Мухаммеду карикатурное изображение некоего Ришадиддина Абуль Махасина. Зайниддин Васифи отмечает, что эта карикатура вызвала удовольствие у ташкентского праителя. Васифи сообщает также, что писец Обид Хаттот преподнес правителю альбомы почерков знаменитых писцов³. В 932 г. х. (1525—26 г.) в торжественной обстановке, при большом стечении просвещенных людей Ташкента, Самарканда, Бухары, эмир

¹ Филанович М. И. Новое о средневековой городской культуре Ташкента.— Общественные науки в Узбекистане, 1982. № 3, с. 40.

² Болдырев А. Н. Мемуары Зайн-ад-дина Васифи как источник для изучения культурной жизни Средней Азии и Хорасана на рубеже XV—XVI веков.— Труды Отдела истории культуры и искусства Востока, т. II, Л., 1940, с. 257.

³ Зайн-ад-дин Васифи. Бадаи' ал-вакаи'. Критический текст, введение и указатели А. Н. Болдырева. Т. II. М., 1961, с. 876—879, 894—895.

сейид Джалалиддин Маргинони подносит Кельди Мухаммеду ответ на касыду Абдальваси Джебели⁴.

Известно, что в Ташкенте жил и другой каллиграф — Маулоно Ни'мат⁵.

До последнего времени оставалось не известным для исследователей посещение Ташкента поэтом и мыслителем Абдуррахманом Джами. Между тем, как выявляется из писем-автографов поэта, Джами посетил Ташкент. При третьей поездке в Мавераннахр, по пути в Ташкент, проезжая через Фараб, он написал письмо (адресатом, по всей вероятности, был Алишер Навои), которое вошло в «Альбом Навои». В нем говорилось:

«Нижайший Абдуррахман ал-Джами.

После выражения мольбы докладывается, что пятнадцатого (числа) месяца раби ал-ахир для испрашивания (благословения) у досточтимого Ходжи (Убайдуллаха) мы направились в Ташкент. Все друзья — здоровы и невредимы. (Мы) надеемся, что в скором времени вернемся. Просим извинить (нас) за небрежность, вызванную тем, что письмо писалось сидя на лошади...»⁶

Абдуррахман Джами прибыл в Ташкент 13 июля 1479 г.⁷ Цитированное письмо, между прочим, включает и новые дополнительные материалы для выявления характера деятельности Ходжи Ахрара и его взаимоотношений с Джами.

Косвенным свидетельством относительно высокого для того периода культурного уровня определенных кругов города является то, что секретарем ташкентского правителя Суюнч-Ходжа-султана, а затем его сына, Абдал Латифа, был автор исторического труда «Тарих-и Абулхайр-хани» — Ма'суд ибн Усман Кухистани.

В Ташкенте бывал Захириддин Мухаммед Бабур, оставивший краткие, но ценные сведения о городе и прилегающих районах, о народностях, проживавших там, их вооружении и костюмах⁸.

Анализируя сочинения авторов начала XVI в., можно полагать, что в Ташкенте бывали известный узбекский поэт и историк Мухаммед Салих, анонимный автор исторического сочинения на узбекском языке «Таварих-и гузиде-и нусрат-наме» и некоторые другие придворные писатели Шейбани-хана. В Ташкенте родился автор «Тарих-и Рашиди» Мухаммед Хайдар.

Позже, в 1625—1626 гг., в Ташкенте жил историк и правитель, автор «Шаджара-и турк» Абулгази-хан⁹.

Все это прямо или косвенно говорит о том, что многие из тех, кто касался в своих книгах истории Ташкента, был здесь и отразил то, что видел или слышал от непосредственных участников событий, и что в Ташкенте в XVI в. сосредоточились значительные культурные силы. Факт нахождения в Ташкенте в продолжении многих лет Зайниддина Васифи — видного поэта и писателя — также говорит о высоком уровне развития здесь литературы в тот период.

Правитель Ташкента Суюнч-Ходжа-султан, как и его старший брат Кучкунчи-хан — верховный правитель государства Шейбанидов, будучи сыном дочери Улугбека Раби'а-Султан-бегим, получил для своего времени хорошее образование. Этим объясняется тот факт, что имена Кучкунчи, Суюнч-Ходжа и сына последнего — Кельди Мухам-

⁴ Зайн-ад-дин В а с и ф и. Бадаи' ал-вакаи', т. I, с. 156а.

⁵ Самаркандские документы XV—XVI вв. (О владениях Ходжи Ахрара в Средней Азии и Казахстане). Факсимиле, критический текст, перевод, введение, примечания и указатели О. Д. Чехович. М., 1974, с. 302.

⁶ Письма-автографы Абдуррахмана Джами из «Альбома Навои». Ташкент, 1982, с. 67, № 116 (121).

⁷ Там же, с. 136; Примечания к письмам Абдуррахмана Джами, № 116 (121), с. 137; № 146, с. 138; № 192, с. 138.

⁸ Бабур-наме. Записки Бабура. Ташкент, 1958, с. 16, 121.

⁹ Абулгази Бахадур-хан. Шаджара-и турк. Казань, 1891, с. 199—200.

меда сохранились в истории не только как представителей династии Шейбанидов, но и как покровителей литературы, науки и искусства.

Однако судьбами поэтов и писателей феодальные правители распоряжались деспотически. Тот же Зайниддин Васифи по приказу Кельди Мухаммеда обязан был покинуть Самарканд, где он работал над книгами, которых, как говорит сам писатель, нигде нельзя было достать, кроме Самарканда. Он вынужден был прибыть ко двору Кельди Мухаммеда, желавшего, чтобы поэты и просвещенные люди веселили его «сладкими рассказами»¹⁰.

В рассматриваемый период отмечается усиление в литературной жизни региона роли узбекского языка. По приказу Суюнч-Ходжа-султана несколько сочинений были переведены с персидско-таджикского языка на узбекский. Позже для сына Суюнч-Ходжа-султана — Науруз-Ахмед-хана была переписана прекрасно оформленная рукопись «Бустана» Саади.

На староузбекском («тюрки») языке составлялись и официальные документы ташкентских удельных правителей. В одном из указов, где сообщалось о своевременном выделении соответствующей части урожая в пользу государственной казны (дивана), сохранился указ на староузбекском (тюрки) языке, адресованный даруге Ташкента (дата не указана)¹¹. Определенный интерес в отношении официального использования узбекского языка представляют и ярлыки, изданные от имени Науруз-Ахмед-хана в период, когда он был удельным ташкентским правителем¹².

Документы и образцы для их составления, написанные на староузбекском языке, показывают, что канцелярское делопроизводство в Ташкенте рассматриваемого времени, в отличие от Бухары и Самарканда, велось и на узбекском языке.

Были в Ташкенте и свои врачи-табибы. В чарбаге Кайкауз располагалась лечебница, где лечились раненые в боях узбекские султаны.

Представители высокопоставленной аристократической части города сочетали литературные диспуты со спортивными играми. Состоялись в стрельбе из лука по тыквам, гоняли тыквы, восседая на коне, играли в нарды, шахматы, в поло-чоуганбози¹³.

В систему воспитания будущего удельного ташкентского, а затем и верховного правителя государства Шейбанидов — Науруз-Ахмед-хана входило, например, совершенствование в стрельбе из лука, верховой езде и других военных упражнениях; каллиграфии, музыке, пению, метрике и поэтике его обучал Зайниддин Васифи.

Рассмотренные факты свидетельствуют о сосредоточении в Ташкенте конца XV—XVI в. значительных культурных сил. Однако бесконечные междоусобные войны, нападения предводителей кочевых племен, жестокая феодальная эксплуатация, распространявшаяся в равной мере и на деятелей культуры, не давали возможности широкому развитию литературы и искусства, основной движущей силой в области которых выступают в XVI в. торгово-ремесленные слои населения. Поэты и мемуаристы, историки, ученые и художники, существовавшие на заработок от своего ремесла — поэзии, исторических книг, миниатюрной живописи, каллиграфии и т. п., — находились в полной зависимости от феодального правителя.

В дальнейшем в Ташкенте наблюдается заметный спад в развитии культуры. Историк-энциклопедист XVII в. Махмуд ибн Вали так

¹⁰ Зайн-ад-дин В а с и ф и. Бадаи' ал-вакаи', т. II, с. 970.

¹¹ Мактубат ва аснад. Ркп. ЛО ИВ АН СССР, инв. № А-210, л. 946—95а.

¹² Ярлыки. Рукописный фонд Восточного отделения библиотеки Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина, инв. № 4626.

¹³ Фазлаллах ибн Рузбихан Исфাহани. Михман-намс-и Бухара (Записки Бухарского гостя). Перевод, предисловие и примечания Р. П. Джалиловой. Под ред. А. К. Арендса. М., 1976, с. 113—114.

характеризовал состояние культуры его населения: «В прошлом оттуда вышло много благородных шейхов, видных ученых и обладателей различных учений. Но в настоящее время (т. е. в 40-х годах XVII в., когда автор написал свое сочинение.— *Р. М.*) из-за постоянного бунта и заговоров совершение угодных Аллаху обрядов и приобретение образования совершенно затруднены»¹⁴.

Приведенные материалы говорят об определенном подъеме в развитии культуры и экономики Ташкента конца XV—XVI в. Этот вывод, между прочим, может помочь в уточнении периодизации истории Узбекистана рассматриваемых столетий.

Дальнейшее изучение богатейших рукописных книг и осмысление материалов, извлеченных из них, с точки зрения марксистско-ленинских позиций позволит выявить дополнительные факты для более глубокой разработки социально-экономической истории средневековых городов Узбекистана.

¹⁴ Махмуд ибн Вали. Море тайн относительно доблестей благородных (География). Ташкент, 1977, с. 56—57.

ПО СТРАНИЦАМ АРХИВОВ

ИЗ АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ ПО ИСТОРИИ ТАШКЕНТА

Как известно, документальные источники содержат ценный материал для изучения социально-экономической жизни города в далеком прошлом. Однако они недостаточно используются исследователями, хотя их очень много и они хранятся в различных фондах, в том числе в Центральном государственном архиве УзССР и в фондах рукописохранилища Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН УзССР¹.

В частности, большой интерес представляет ф. И-164, оп. 1 — «Ташкентский кази-калан», состоящий из 300 ед. хр. и датируемый 1891—1901 гг. Здесь хранятся ярлыки кокандских ханов о назначении на различные должности: казиев, аълама, садра; арендные обязательства, документы о покупке и продаже земель, различного рода свидетельства, выданные казиями, переписка туркестанских генерал-губернаторов с ташкентскими казиями и т. д.

Здесь мы остановимся на той части документов ф. И-164, которые относятся к казию Сибзарской части Ташкента Мухаммад Мухитдин ходже ибн Хаким ходже ишан кази-калану (ум. в 1902 г.).

Документы написаны арабской графикой, на персидском и узбекском языке, некоторые из них имеют параллельно и русский перевод. Дела № 5—12, 29 и др. охватывают около 200 документов, фиксирующих земельную собственность казия Мухитдина², куплю³ и продажу им земельных участков⁴, сдачу земель в аренду крестьянам⁵.

Интересен тот факт, что в целях расширения своих земельных угодий казий скупал даже вакуфные земли. Так, в 1291 (1873—74) году он приобрел вакуфных земель на 600 золотых монет⁶.

Крупные земельные угодья казия находились в различных махалля и маузах Ташкента — Тиканлик-мазар⁷, Кизил-Курган⁸, Сархумдон⁹, Орка-Куча¹⁰, Кази-куча-си¹¹ и др.

Казий получал большие доходы от сдачи своих земель в аренду. Так, участок земли в Тиканлик-мазар он отдал в аренду 32 крестьянам-каранда с обязательством уплаты каждым из них 10 батманов пшеницы с одного танапа и 5 батманов пшеница в год¹².

Сдача земель в аренду была в дооктябрьский период широко распространенной формой эксплуатации безземельных и малоземельных крестьян. Она приносила огромные доходы землевладельцам, причем независимо от засухи, наводнений, неурожая.

Например, по утверждению Гайббая, сына Акбарбая, он взял в аренду у казия Мухитдина ходжи участок земли в местности Кизил-Курган сроком на 7 месяцев за 25 руб. Документ заверен печатью казия Шариф ходжи¹³.

В архивных фондах имеется еще один интересный документ, заверенный казем Мухитдин ходжой, — о сдаче кожевенного завода в аренду Абд-ал-Муталлибу, сыну уста Абд-ал-Кадыра, и Касымбаю, сыну Хамирбая¹⁴.

¹ ЦГА УзССР, фонды И-1, 17, 36, 40, 164, 165, 269, 336, 363—366, 450. См.: Юнусходжаева М. Ю., Мирисмаилова У. Документы по истории Ташкента конца XIX — начала XX века. — Общественные науки в Узбекистане, 1983, № 3, с. 49—50.

² ЦГА УзССР, ф. И-164, оп. 1, д. 6, л. 6.

³ Там же, л. 7—12.

⁴ Там же, л. 3, 7, 35.

⁵ Там же, д. 8, л. 2.

⁶ Там же, д. 11.

⁷ Местность за пределами Ташкента.

⁸ Местность за пределами Ташкента.

⁹ Недалеко от нынешнего жилого массива Ц-26 и 1-й горбольницы.

¹⁰ Ныне на территории жилого массива Ц-13.

¹¹ Между нынешней улицей им. Хуршида (бывш. Лабзак) и жилым массивом Сибзар.

¹² ЦГА УзССР, ф. И-164, оп. 1, д. 8, л. 2.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, ф. И-364, оп. 1, док. № 1295.

Приведем полный текст данного документа (васика — хатти иджара): «Описание границ участка земли, где имеется кожевенное производство, [расположенное] за Ташкентской крепостью, на улице Тахтапуль, около речки Янги-арык. С запада частично примыкает к общественной дороге и частично к владениям Назир Мухаммада, сына Мухаммад Назира, и частично — к владению Касым ходжи Кашгари, сына Болут ходжи, с Туркестанской (т. е. северной) стороны — частично к владению Ачилдыбая и частично — к владениям [некоего] Маъзума, с востока — частично к заброшенным землям Мирсалимака и частично — к владению Ташбая, частично — к речке Янги-арык, Ходжентская (т. е. южная) сторона частично примыкает к владениям Шах Турсунходжи, сына Шах Халдарбая, и частично примыкает к владениям Салим ходжи, сына Султан ходжи.

Теперь все приметы четырех сторон упомянутого участка земли ясны и известны.

Абд-ал-Муталлиб, желтолицый, двадцати восьми лет, сын уста Абд-ал-Кадыра, и Касымбай, безбородый, двадцати шести лет, из махалли Хауз-буин, сын Хамирбая, по своей воле и желанию сделали законное и правильное по шарияту признание в том, что взяли 2000 рублей русских денег, каждый рубль которых равен пяти танга, из рук Салимбаа аллафа¹⁵, сына Шералибая, с тем условием, чтобы чистую прибыль разделить на 3 части, а из трех частей [каждый] берет одну долю, поскольку прибыль принадлежит всем троим.

Вышеупомянутый же участок земли, с кожевенным предприятием, является собственностью вышеупомянутого Салимбаа, и мы на вышеупомянутые деньги покупаем сырье, обрабатываем его на данном заводе, из всей прибыли, поступающей с данного завода, сначала уплатим [положенную плату] мастерам и рабочим, а оставшуюся часть чистой прибыли разделим на 3 равные части, из них одну часть дадим вышеупомянутому Салимбаа, а оставшиеся 2 части берем мы вдвоем.

Договор составлен сроком на 15 лет. Ремонт завода и оборудования [в течение установленного договором срока] обязался заниматься вышеупомянутый Салимбай, и была составлена настоящая васика.

И еще [здесь же] вышеупомянутый Салимбай, смуглолицый, торговец зерном (аллаф) из махалли Чархчи куча, сын Шералибая, из Сибзарской части, по своему желанию и доброй воле признался в том, что деньги в сумме 2000 рублей русских денег, свою собственность, отдал Абд-ал-Муталлиб ходже, сыну уста Абд-ал-Кадыра, и Касымбаа, сыну Хамирбая, с тем условием, чтобы они в вышеупомянутом кожевенном производстве наладили работу по производству кожи, наняли рабочих и мастеров. Полученные доходы, после уплаты заработной платы рабочим и мастерам, должны быть разделены на три равные части и каждый должен получить по одной части.

В подтверждение этого составлена настоящая васика и выдана им в руки».

На правой стороне документа написано:

«Усманходжа, сын Бабаходжи, по просьбе получающих данный документ поставил свою подпись.

Мулла Кудратбек, сын Мухаммада, по просьбе Салимбаа, в связи с неграмотностью его, поставил свою подпись.

Бурхан-ад-дин ходжа, сын Тураджан ходжи, являясь свидетелем, поставил свою подпись».

На левой стороне документа написано:

«Подтверждая правильность признания вышеупомянутых лиц и свидетелей, поставил свою подпись и печать казий Сибзарской части мулла Мухитдин ходжа кази».

Имеются три оттиска печати казая: одна на документе, 2 на полях (со слабым оттиском).

Как видно, этот и другие документы из указанных фондов представляют большой интерес для изучения социально-экономической жизни, гражданских правоотношений и топонимики Ташкента XIX в.

М. Юнусходжаева, У. Мирисмаилова

¹⁵ Аллаф — торговец зерном.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

К ИЗУЧЕНИЮ МЕЛКОКАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО УКЛАДА В ЕГИПЕТСКОМ ГОРОДЕ

В социально-экономической структуре современного египетского города мелкокапиталистический уклад занимает важное место: на его долю приходится около 30% городской занятости. Роль его в городской экономике и социально-экономической жизни постоянно возрастает, усложняется его влияние на экономическое развитие в целом, идеологию и политику.

Мелкокапиталистический уклад занимает промежуточное положение между мелкотоварным и развитым капиталистическим укладами. Он представляет практически все низшие формы капиталистического предпринимательства в промышленности,